

Адыгейская ПРАВДА

Орган Адыгейского обкома и Майкопского горкома ВКП(б), областного и городского Советов депутатов трудящихся

№ 66 (3364) | Пятница, 21 мая 1943 г. | Год издания 21 | Цена 20 коп.

НОТА НАРОДНОГО КОМИССАРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ тов. В. М. МОЛОТОВА

О массовом насильственном уводе в немецко-фашистское рабство мирных советских граждан и об ответственности за это преступление германских властей и частных лиц, эксплуатирующих подневольный труд советских граждан в Германии

Народный Комиссар Иностранных Дел тов. В. М. Молотов направил 11 мая с. г. всем послам и посланникам стран, с которыми СССР имеет дипломатические отношения, ноту следующего содержания:

«По поручению Правительства Союза Советских Социалистических республик имею честь довести до вашего сведения следующее:

Военные и гражданские власти Советского Союза обнаружили за последние шесть месяцев на территории, освобожденной Красной Армией от немецкой оккупации в ходе зимней кампании 1942—1943 г. г., новые доказательства бесчеловечной жестокости злодеяний немецких властей над советским гражданским населением. По планам и инструкциям гитлеровского правительства и военного командования, немецко-фашистские власти повсеместно грабили, истязали, убивали советских граждан, умерщвляли военнопленных, подвергали сплошному разрушению советские города и деревни, уводили в немецкое рабство сотни тысяч советских граждан. Немецко-фашистские зверства, примеры которых уже доводились Советским Правительством до сведения иностранных правительств, осуществлялись гитлеровцами везде, куда ступала их нога. Еще более всего характерен, чем все, что было до и после, характернейшей из них, — это массовый увод в рабство советских граждан с захваченных территорий.

1. Планы и приказы гитлеровских властей о порабощении мирных жителей оккупированных советских районов

Захваченные Красной Армией в штабах разгромленных немецко-фашистских войск документы, а также рассказы и письма советских людей, письма германских солдат и офицеров и их родственников свидетельствуют о том, что превращение многих сотен тысяч советских граждан в рабов, покупка и обмен их на специальных невольничьих рынках в Германии возведены в систему, регламентированную приказами и распоряжениями германского правительства.

Как явствует из имеющихся в распоряжении Советского Правительства документов, еще 7 ноября 1941 года в Берлине состоялось секретное совещание, на котором рейхсмаршал Геринг дал своим чиновникам указания об использовании советских людей на принудительных работах в Германии.

Первое указание гласило: «Русские рабочие показали свою способность работать. Теперь их следует использовать для Германии... Это является делом соответствующих властей и тайной полиции». (Приложение 1-е к секретному циркуляру № 42006-41 хозяйственного штаба германского командования на Востоке от 4 декабря 1941 года).

В этом же циркуляре (II раздел приложения) предусматривается, что порабощенных советских граждан следует использовать главным образом для дорожного строительства, строительства железных дорог и оборонных работ, разминирования и устройства аэродромов. Следует расформировать немецкие строительные батальоны (например, военно-воздушного флота). Немецкие квалифицированные рабочие должны работать в военной промышленности; они не должны копать землю и разбивать камни, для этого существует русский».

«Русского», — давал указание Геринг в том же секретном документе (раздел IV, пункт А-4), — необходимо использовать в первую очередь на следующих участках работ:

горное дело, дорожное строительство, военная промышленность (танки, орудия, аппаратура для самолетов), сельское хозяйство, строительство, крупные мастерские (сапожные мастерские),

насилиственный увод в Германию, зверская эксплуатация и систематическое истребление порабощенных советских мирных жителей занимают особое место в длинной цепи полных преступлений немецко-фашистских захватчиков и в расчетах их главнейших. Как видно из имеющегося в распоряжении Советского Правительства документального материала, насильственным уводом советских мирных граждан в рабство гитлеровская преступная банда преследует прежде всего цель — восполнить острый недостаток рабочей силы в Германии и вывозить из немецкой промышленности дополнительные людские резервы для сильно потрепанной гитлеровской армии. Немецко-фашистские власти и многие частные лица из гражданского населения Германии, эксплуатирующие подневольный труд советских граждан, подвергают их всяческим издевательствам, унижению их человеческого достоинства и обрекают на гибель от непосильного рабского труда, голода и истязаний.

Советское Правительство считает своим долгом довести до сведения всех народов — новые документы и факты насильственных злодеяний, чинимых немцами над мирными гражданами, обращаемыми в рабство, а также заявить о неминуемом возмездии за все эти преступления.

специальные команды для всяких непредвиденных работ».

В названном документе Геринг в следующих словах подтверждает, что гитлеровская клика нагло попирает элементарные международные нормы и правила, применяемые к гражданскому населению оккупированных территорий:

«Использование русских гражданских рабочих, — говорится в разделе секретных указаний, — обращение с ними должны практически не отличаться от использования военнопленных и обращения с ними».

Бесчеловечность режима, установленного немецкими фашистами для советских военнопленных, общеизвестна.

Наконец, в том же документе Геринг дал кровавый приказ не щадить советских людей, пригнанных в Германию, и расправляться с ними самым жестоким образом под любым предлогом. Этот приказ, содержащийся в разделе IV, пункта А-7 упомянутого документа, гласит: «При применении мер поддержания порядка решающим соображением являются быстрота и строгость. Должны применяться лишь следующие разновидности наказания, без промежуточных степеней: лишение питания и смертная казнь решением военно-полевого суда».

Для проведения в жизнь чудовищной рабовладельческой программы был создан огромный чиновничий аппарат. Главным уполномоченным по использованию рабочей силы* Гитлер назначил приказом от 21 марта 1942 года гаулейтера Фрица Заукеля. Последний 21 апреля 1942 года разослал в строго секретном порядке правительственным и военным органам свою «программу главного уполномоченного по использованию рабочей силы». В этом документе говорится: «Крайне необходимо полностью использовать в оккупированных советских областях имеющиеся людские резервы. Если не удастся добровольно привлечь нужную рабочую силу, то необходимо немедленно приступить к мобилизации или принудительному поднабору индивидуальных обязательств. Наряду с уже имеющимися военнопленными, находящимися в оккупированных областях, главным об-

разом необходима мобилизация гражданских квалифицированных рабочих и работниц из советских областей в возрасте старше 15 лет для использования их на работе в Германии».

В той же «программе» (раздел «Задачи», пункт 4) Фриц Заукель заявляет: «Для того, чтобы заметно разгрузить от работы крайнюю немецкую крестьянку, фюрер поручил мне доставить в Германию из восточных областей 400—500 тысяч отборных, здоровых и крепких девушек».

Агенты Заукеля приступили к учету всего работоспособного населения в оккупированных районах СССР. Взятым на учет гражданам предлагали «добровольно» выехать на работу в Германию. Но так как добровольцев почти не оказалось, немцы распорядились применять меры насилия. Еще 26 января 1942 года «хозяйственный штаб германского командования на Востоке» секретной инструкцией № ВР 98510-42 требовал:

«Если число добровольцев не оправдывает ожиданий, то, согласно приказанию, во время вербовки следует применять самые строгие меры».

Подстрекая своих подчиненных, Фриц Заукель телеграфировал 31 марта 1942 года за № СА 5780,28/729 следующий приказ:

«Вербовка, за которую вы отвечаете, должна форсироваться всеми доступными мерами, включая суровое применение принципа принудительности труда».

«Вербовщики» работового Заукеля изощрялись в разных мерах давления на советских граждан, чтобы заставить их в немецко-фашистское рабство. Тех, кто не являлся по вызову оккупационных властей, лишали всех средств к существованию. Изголодавшихся людей заманивали на вокзалы под предлогом раздачи хлеба, а затем оцепляли солдатами и под угрозой расстрела грузили в эшелоны. Но и эти меры не помогали. Тогда немецкие власти стали делать разверстки по городам и сельским районам, причем каждый город

II. Насильственный увод советских людей в немецко-фашистское рабство

Во исполнение злодейских планов гитлеровского правительства немецкие власти организовали массовый увод мирного советского населения в немецкую неволю со всей оккупированной советской территории, уже и не пытались соблюдать даже видимость какой-либо «добровольности». На захваченных немцами советской земле нет буквально ни одного города, ни одного села, ни одного населенного пункта, из которого немецко-фашистские разбойники не угнали бы в рабство значительную часть населения, составляющую в некоторых крупных городах десятки тысяч мужчин, женщин, подростков и детей. Так, из Кривого Рога немцы насильно увезли свыше 20 тысяч человек, из Курска и прилегающих 9 районов 29,381 человека, из Харькова (по официальным германским данным на август 1942 года) свыше 32 тысяч человек, из Мариуполя — 60 тысяч, из Сталино на принудительные работы в Германию был отправлен до июля 1942 г. 101 эшелон. Из одного только села Малиновка, Харьковской области, гитлеровцы угнали в немецкое рабство 820 мужчин, женщин и детей. В селе Солдатском, Норвежской области, гитлеровцы собрали из окрестных деревень 11 тысяч человек, среди которых было много женщин, подростков и детей; несколько дней несчастные ютились в сараях, землянках; немецкие власти морили их голодом и никуда не выпускали, а затем потянули в Германию. В Воронежско-Александровском, Ставропольском краях, гитлеровцы накануне своего отступления согнали 800 советских граждан с тем, чтобы насильно отправить их в Германию, и только подоспевшие части Красной Армии

и район были обязаны постараться определить число жителей для отправки в Германию. Такою районом оккупированной Ленинградской области, в частности, районе Позеревицы, был район приказ германских командант следующего содержания:

«Волос и бургомистрам!.. Так как для работ в Германию здесь очень малое количество людей, то каждый волостной бургомистр должен совместно с волостными деревнями поставить по 15 и больше человек с каждой волости для работ в Германию. Поставить людей по здоровым в возрасте от 15 до 50 лет. За каждым нужно обязательно до 4 мая 1942 года прислать в Позеревицы. Командант Позеревицы».

В распоряжении Советского Правительства имеется полный текст доклада альника политической полиции службы безопасности управления СС в Харькове «О положении в городе Харькове с 23 июля 9 сентября 1942 года».

«Вера в рабочей силы», — говорится в документе, — доставляется в соответствующим учреждениям без оговорок, ибо среди населения наблюдается крайне отрицательное отношение к отправке на работ в Германию. Положение в это время таково, что всеми средствами стараются избежать вербовки (притворно больными, бегут в леса, покидают чиновников и т. д.). Оставшиеся отправки в Германию ужасно не может быть и речи».

Таким образом, из официальных германских документов явствует, что массовый увод советских граждан в немецкое рабство, с приравнением к военнопленным, являлся задачей, заранее поставленной гитлеровскими главарями перед немецко-фашистскими оккупационными властями, и что для осуществления этой задачи оккупанты восстанавливались ни перед какими насильем над советским гражданским населением.

спасли мирных жителей от страшного учая.

Во всех освобожденных от захватчиков городах и селах части Красной Армии обнаруживают многочисленные факты массового увода гражданского населения в немецкое рабство. Имеются приказания гитлеровских главнейших, дающие некоторые представления о масштабах насильственного увода в рабство мирных жителей. Так, в утвержденном гитлеровского сатрапа, рейхскомиссара Украины* Эриха Коха, опубликованном в январе 1943 года в газете «Дейче Украние цейтунг», в Германию отправлено 710 тысяч украинцев. По заявлению возглавляемого Заукелем «управления по использованию рабочей силы», опубликованному в газете «Минстер цейтунг» 14 января с. г., за 1942 год в Германию отправлено около двух миллионов душ из оккупированных областей на Востоке».

Как видно из документальных материалов и показаний жителей освобожденных Красной Армией районов, немецко-фашистские власти из месяца в месяц охватывали своей насильственной «вербовкой» все новые категории населения и в некоторых пунктах, особенно при отступлении, уводили с собой, для отправки в глубокий германский тыл, поголовно все население, способное передвигаться. Если ранее агенты гитлеровских работовцев стремились отбирать лишь физически наиболее здоровых и молодых в возрасте преимущественно от 15 до 45 лет, то за последние месяцы, совпадающие с проводимой гитлеровцами «тотальной» (всеобщей) мобилизацией, в рабство уводятся и

больные, и инвалиды, причем возраст порабощаемых колеблется уже между 12 и 60 годами. Справедливее гитлеровцам садистской жестокостью они разбивают при уводе в рабство семьи, разлучая родителей и детей, братьев и сестер, жен и мужей.

Целые города и районы обезлюдели в результате организованного похищения и истребления советских людей гитлеровскими людоедами. Вот некоторые типичные данные по недавно освобожденному району, Смоленской области: в этом районе, насчитывавшем до немецкой оккупации 32 тысячи жителей, осталось к моменту прихода Красной Армии около 7 с половиной тысяч человек, причем из деревень Гжатского района в Германию было угнано 5419 человек, в том числе 624 «работоспособных» ребенка в возрасте менее 14 лет, а в городе Гжатске, в котором до оккупации было более 13 тысяч жителей, в день освобождения от захватчиков оказалось немногим больше одной тысячи человек — в подавляющем числе разлученных со своими родителями малолетних детей.

Угону советских людей в немецкую неволю почти повсеместно сопутствуют кровавые репрессии захватчиков против советских граждан, укрывавшихся от охотившихся за ними работовцев. Так, в Гжатске немцы расстреляли 75 мирных жителей города, не явившихся на сборный пункт, куда они были вызваны повестками команданта для отправки в Германию. В Полтаве в конце декабря 1942 года была приговорена к повешению группа в 65 железнодорожников, отказавшихся ехать на гитлеровскую каторгу в Германию. Оккупационные власти приравнивали всех уклоняющихся от «вербовки» в Германию к партизанам, объявляя их вне «закона», направляли карательные экспедиции в районы, не выполнившие «разверстки» по поставке рабочих, сжигают целые деревни и расстреливают сотни людей. В деревнях Слуцкого района в Белоруссии в конце февраля были вывешены объявления за подписью германского окружного комиссара, в которых говорилось: «Все жители, как мужчины, так и женщины, рожденные 1900—1927 гг., должны явиться 2 марта 1943 года в 10 часов утра в уездную управу для освидетельствования и отправки на работ в Германию. Взять с собой одежду, обувь и маршевое питание на три—четыре дня. Кто не явится — будет заочно осужден в бандагизм и с ним поступит соответствующим образом». В Белоруссии, в районе Ганцевичи (юго-восточнее Барановичи) немецкая карательная экспедиция согнала в первой половине марта с. г. десятки деревень и расстреляла сотни жителей в виде репрессий за неявку жителей для отправки на немецкую каторгу.

Из различных пунктов Литовской и Латвийской ССР сообщают об организованной гитлеровцами охоте на людей, загоняемых как на принудительные работы по строительству укреплений, так и на сборные пункты для отправки в немецкое рабство в Германию и оккупированные ею страны. На строительство оборонительных сооружений в Прибалтийских советских республиках мобилизовано свыше 300 тысяч человек, причем против уклоняющихся от занесения в списки так называемого «трудового фронта» и от отправки в Германию применяются самые жестокие репрессии, вплоть до повешения.

Советские граждане на захваченных немцами территориях все чаще и все организованнее оказывают немецким рабовладельцам и их агентам мужественное сопротивление. Из прибалтийских, украинских, белорусских районов поступают многочисленные сообщения о массовом уходе не только взрослого мужского населения,

но и скрывающихся от угона в Германию женщин и подростков — в партизанские отряды, в рядах которых они ограждают свою свободу. Рост партизанского движения в связи с сопротивлением советских людей насильственному уводу их в немецкое рабство с тревогой признается в ряде секретных донесений германских военных и полицейских органов.

Угоня советских людей в фашистское рабство, немцы устраивают на них облавы, организуют карательные экспедиции, оцепляют целые районы, города, ловят людей на дорогах, загоняют на сборные пункты. В распоряжении Советского Правительства имеются многочисленные материалы, рисующие нечеловеческие условия насильственной отправки советских мирных граждан в Германию в заколоченных, охраняемых солдатами или полицией вагонах. День и ночь из оккупированных районов Украины, Белоруссии и России идут в Германию эшелоны невольников. Людей грузят как скот, по 60—70 человек в один товарный вагон. Обессиленных и больных выбрасывают из вагонов под откос, устила трупам советских людей дороги на запад.

Вывозившаяся из фашистского плена жительница освобожденного части Красной Армии города Миллерово Раиса Давыденко рассказывает: «В холодных товарных вагонах было так тесно, что нельзя было даже повернуться. В каждой вагоне ехал надзиратель, который на всякую просьбу отвечал ударом палки. Все время нас морили голодом...».

Колхозница Варвара Бахтина из села Николаевка, Курской области, рассказывает: «В Курске нас впрягали в тележки, по 50—60 человек в вагон. Выходить не разрешали. Немецкий часовой то и дело отпущал нам подзатыльники. В Льгове нас высадили, здесь мы проходили осмотр специальной комиссии. В присутствии солдат заставляли раздеваться до гола, осматривали тело. Чем ближе к Германии, тем все больше пустил наш эшелон. Из Курска взяли три тысячи человек, но почти на каждой станции выбрасывали больных и умирающих с голода людей. В Германии нас заключили в лагерь, где находились советские военнопленные. Это был участок в лесу, обнесенный высокой оградой из колючей проволоки. Через четыре дня нас распределили по местам. Я, моя сестра Валентина и еще 13 девушек попали на военный завод».

Вывозившаяся 8 октября 1942 года из Германии Беложурской Владимир Петрович, 1924 года рождения, житель села Средне-Теплое, Верхне-Днестровского района, Ворошиловградской области, сообщил: «В пути немецкие солдаты нас избивали. Я видел сам, когда наши подростки выбегали на станциях попить воды, то солдаты их избивали. Избиению подвергались также мобилизованные девушки. Их загоняли в вагоны и запирали на замки. Гражданское население Германии оскорбляло нас, сыпало в глаза песок и бросало камни, а дети разбрасывали словками «русские свиньи». Наш эшелон находился в пути 12 суток. 18 сентября 1942 года мы прибыли в немецкий город Галле. Когда мы прибыли, нас выстроили, пришли немецкие барыни, начали выбирать себе девушек в рабыни».

Таким образом, следует считать установленным, что немецко-фашистские власти, пытаясь заполучить миллионы рабов, применяют по отношению к советскому гражданскому населению зверские насилия, а также создают при отправке захваченных советских граждан в немецкую неволю такие условия, при которых значительная их часть гибнет уже в пути от голода, побоев и скотских условий перевозки людей в Германию.

(Окончание см. на 2-й стр.)

НОТА НАРОДНОГО КОМИССАРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ В. М. МОЛОТОВА

О массовом насильственном уводе в немецко-фашистское рабство мирных советских граждан и об ответственности за это преступление германских властей и частных лиц, эксплуатирующих подневольный труд советских граждан в Германии

(ОКОНЧАНИЕ)

III. Нечеловеческие мучения и гибель советских граждан в немецко-фашистской неволе

Для сотен тысяч советских граждан, угнанных в Германию, гитлеровские рабовладельцы установили еще более ужасные условия каторжного труда, чем в худшие времена древнего рабовладения. Советские граждане загнаны в концентрационные лагеря, огороженные колючей проволокой. Их гонят на работу и возвращают калашниками, под охраной вооруженных гитлеровцев. Советских людей лишали имени, их вызывают по номерам. Русские и украинцы получают специальные опознавательные знаки: первые — знак с белой окантовкой по краям и словом „ОСТ“ по середине; вторые — знак с желтой окантовкой. Советские граждане не смеют отлучаться из лагеря. Для советских людей, ввергнутых в рабство, установлен голодный режим. Геринг предписал в своих упомянутых выше указавших:

„Русский неприхотлив, поэтому его легко прокормить без заметного нарушения нашего продовольственного баланса. Его не следует баловать или приучать к немецкой пище“.

В самих фашистских немецких газетах встречаются такие описания положения советских граждан в Германии, как, например, следующее, опубликованное во „Франкфуртер цейтунг“ 17 апреля 1942 года:

„Рабочие оккупированных советских областей стоят в лагере, огражденном колючей проволокой. Этих людей, привезенных из Харьковского района в Германию, нужно, разумеется, держать в строгости, смотреть за ними, ибо нет никакой гарантии, что между ними нет большевиков, способных к актам саботажа. Их ближайший начальник... поддерживает авторитет при помощи кнута“.

Страшные документы нечеловеческих страданий наших людей на немецкой каторге отражены в письмах к родным.

„Мамочка, — пишет Нона Г. 8 октября 1942 года из немецкого лагеря, — погода здесь плохая, идут все время дожди. Я хожу в лагере, как в тюрьме. Хлеб получаем два раза в день по 100 грамм. Работаем двенадцать часов в день. Мамочка, тоска ужасная. Кормят нас плохо, ничего не знаем. Как приду с работы, упаду на кровать, заплачу, вдоволь, вспомню дом и вас и с тем засну. За короткое время нашей жизни мы все выжили из сил, недосыпаем, недоедаем. В маленькой комнате на 16 человек, все украинки и я. Если придется увидеться, расскажу все. Но увидеться вряд ли придется, потому что зимовать останемся в летних бараках из досок. При таком питании, да без сна, да с голодом и босой не выжить мне. Если можете, не откажите в моей просьбе, вышлите чесноку и луку, потому что пища однообразная. У меня болят десны — цинга вылезает“.

В другом письме, 10 ноября 1942 года, та же советская девушка пишет: „Наша жизнь — мамочка, хуже, чем у собак. Суп дают такой же зелены, который попрежнему никто не ест. У меня от думок иссох мозг и глаза от слез ничего не видят. Сегодня все двенадцать часов работали голодные. Но плачь, не плачь, а работать нужно. Какая может быть работа у человека, голодного из дня в день? Придет начальник или сбоку сидящая немка подгонит: „Нона, арбейт, шнеллер, шнеллер!“ (Нона, быстрее, быстрее, работай!“)

Дорогая мамочка, как мне тяжело без вас. Я не в силах сдерживать рыдания. Я от обиды плачу. О, есть еще хуже, еще тяжелее, но я не в силах описать... Мы уже привыкли к тому, что в два часа ночи открывается дверь, полицейский зажигает огонь и кричит: „Ауфштэн!“ („Встать!“). Сразу все встаем и выходим во двор. Стоим час. Начинают нас считать. Лдем вторую смену, когда войдет во двор. Замерзаем, пока стоим во дворе. Мыслимо — почти босые все. А иной раз проливной дождь идет или мороз. Я просто не в силах всех пережить и мучений описать... Мамочка, я устала. В город нас не отпускают, живем в лесу. Прислушались, что нас переводят на другой завод. Сейчас работаем вместе с украинками, французами и сербами. Мамочка, если можно, то вышлите посылку — луку и чесноку — у меня цинга. Не откажите в моей просьбе“.

Увезенная в Германию девушка Маша П. из Ворошиловградской области пишет своей матери:

„Здравствуй, моя дорогая и любимая мамочка. Пишу тебе письмо четвертое, но ответа нет никакого. Мама, живу я у хозяйна. Семья маленькая: их двое и один ребенок, но работы мне, мамочка, хватает. Всего восемь комнат и один коридор. Встаю в 5 часов утра, ложусь в 10 часов вечера. Мама, каждый день старую утром и вечером. Хозяйин всегда кричит, так я его боюсь, что я ужалюсь и кричу во сне. За все время один раз пустили меня в воскресенье в лагерь к нашим. Я вернулась и опоздала на полчаса. Мама, как меня хозяйин бил по лицу, рвал за волосы, так всю жизнь не забуду. Мама, заплачу, мне за месяц 7 марок и 50 пфеннигов. Свои последние деньги, нет ничего у меня ихнего. Мама, нам говорили, чтобы мы посылали домой письма, чтобы из дому выслали пальто, валенки. Прошу тебя, золотая мамочка, будь доброй, ничего не получи. Что мне делать? Домой не отпускают, а больше терпеть нет сил. Каждый день плачу, и наверное один выход — покончить свою жизнь. Мама, родная, если хочешь видеть меня живой, вырви меня отсюда из неволи. Дальше я не могу жить и все это терпеть. Мама, родная, постарайся это сделать. Я тебя отблагодарю, если только буду жива. Ну, мамочка, больше не могу писать, слезы душат. Целую всех родных. Твоя пока дочь Маша“.

Советская девушка Надя Л. пишет из г. Хемница на родину: „Дорогая мама! Мы живем в бараке — 60 душ, спим на соломе. В этом бараке очень холодно. На работу мы ходим на трикотажную фабрику. Работаем с 6 утра до 9 часов вечера, есть нам дают утром тарелку крошки (книжку) и 50 грамм хлеба, на обед суп без хлеба, на ужин суп без хлеба. А еще на работе дают хлеб — утром 25 грамм и в обед 25 грамм. Говорят, мамочка, плоховато, но это ничего, если бы только домой. Письмо мы ваше получили, мама, и плакали. Очень я тоскую, что живу в неволе. Не вижу света, не вижу ничего, кроме своего барака страшного. Нас водят на работу и с работы, как невольников“.

Маша К. пишет родителям: „Мы живем в Германии в городе Бланкенбурге. Работаем у хозяйна 33 человека. Здесь и украинцы, поляки, французы и русские. Кормят нас плохо, хлеба дают очень мало, работы по горло. За нами смотрит надзиратель. За каждым нашим шагом следят. Никуда не отпускают. Только с работы, да на работу. Работаем по двенадцати часов, а на работу ходит не в чем. Денег пока нам не дают. Дорогой папочка, как надоело быть невольниками и работать не зная на кого и за что. Да и труд наш не дежит. Нас все преследуют и смеются. Были бы крыльшки, прилетела бы на родину сторонку“.

Девушка Ф. И. пишет родителям в Курск во время его оккупации немцами: „Мы в Германии заключенные. Нам живется очень плохо. Работаем в поле. Питаемся два раза — утром 200 грамм хлеба и в обед одну миску супа. Работы очень много. Я очень, очень жалею, что уехала в Германию. У нашего хозяйна 28 человек — русские, поляки, французы. Кроме того, 15 польских девушек у другого хозяйна, только они спят и питаются у нашего хозяйна. Мы с Катей живем вместе, спим на одной кровати. Мамочка, мы работаем в Германии за спасибо. Все свое сносила, покупать негде и денег нет. Проработали четыре месяца и ни одной копейки не получили. Живем в тюрьме. Одним словом, догадайтесь, как живем“.

Из лагеря в гор. Штутгарт 3 января 1943 года Леонид Д. пишет на родину в гор. Шигирь, Курской области. „Здравствуйте, дорогие родные, папа, мама, Рая, Ваня и братик Юрик. Первым делом я хочу вам описать свою жизнь с начала до конца. Дорогие родные, когда мы приехали в Германию, нас сортировали в распределительном лагере и я с тех пор разбился с сестрой Зоей и до сих пор не видел ее. Милая мама, ходили грязные, не купались по два месяца, кормили вшей. Завод от лагеря пять километров, а от питания я еле двигаю ноги,

так что эта жизнь в Германии останется на всю жизнь в памяти. Если выживу и вернусь домой, то все расскажу, что у вас, мои родные, стану волос дыбом. Я уже решил закончить свою жизнь, но воздержался, думаю, придет наше лучшее время. Дорогая мамочка, если я был у меня крылья, так бегу отсюда“.

17-летняя Нина С. пишет сужены на родину 18 августа 1942 года: „Дорогие родители! Папа и мама, я нахожусь в гор. Бинненберге, живу в бараке, рату на фабрике. Как трудно! Я все похужела. Мамочка, мы всем за решеткой, как тюремные! Тут уже разбился и хожу заутая на работу... Как трудно жить! Ой, как я переживу все это...“

Потерявший здоровье немецкой каторге и вернувшийся на родину Филипп Босый рассказывает: „...Дерева Миронен должны были поставить для франки в Германию 20 юношей и девушек. Хватили молодежь на улицах, брали ночью в постелях, выжили не удавалось скрыться, рываться, но третий раз меня поймали, заперли в вагоне. Вместе с другими я попал в Берлин, холодную казарму, обнесены высоким забором, загляни несколько сот человек. Спали на каменистом полу. Я попал на трикотажную фабрику, где изготовляли все обмундирование. Работа, здесь французцы, восстановленные, испанцы. Подозрительного и придирчивого всего относились к немцам мастера и надзиратели к русским. Чуть что — ругали, били, валили. Работали разгибая спины, молча. Обед же, в цеху — миска холодного супа из картошки, хлеба, хлеба. К этому обеду уже не хватало. Все 300 грамм суррогатного хлеба поедались еще утром, а вечером приходило обратно в тру. И так каждый день. Устал, голод, тоска. Одна девушка из нашей области, избитая надзирателем, повесилась. Некоторые пытались бежать, но у них было трудно — выдаст первый немец, который призывает в тебе русское. Для поимки беглецов немцы пользуются собаками. Боятся, тяжело труд подорвал мое здоровье“.

О нечеловеческих условиях, в которые поставлены русскими гитлеровским правительством советские люди, угнанные в Германию и обреченные им на смерть, свидетельствуют не только многочисленные официальные немецкие приказы и инструкции, письма советских граждан в Германию, но и письма немецких солдат и офицеров германской армии, находящихся на советско-германском фронте.

У убитого немецкого солдата Вильгельма Бока 221 немкой пехотной дивизии найдено письмо от матери из Хемница. Нем говорит:

„Много русских женщин, девушек работают на фабрике „Астра Берке“. Их заставляли работать по 14 и более часов в день. Зарплаты они, конечно, никакой не получают. На работу на работу они ходят под конвоем. Русские настолько переутомлены, что буквально валяются с ног. Им часто попадают под охрану немецкие. Пожираться на плен и скверную пищу они не могут. Мое соседка на днях забередела. Сбежала с работы. Она была в кассу денег и ей предложили возможность выбрать любую из только что привезенных сюда женщин из России“.

Солдату Эллину Шилинскому пишет Лотта Меллер из Пугонь: „Узнала 10 августа 1942 г.: „Недавно здесь, в Пугонь, появились русские. Интересная нам предстоит жизнь: в одном кармане сарвар, а в другом револьвер“.

Тысячи советских граждан не выдерживают диких условий рабства. В лагерях парит смертная смертность.

Солдату Отто Теск, баты 4 полка 32 немецкой пехотной дивизии, пишет Фрида Па из Гюльфе у Альтерпентов: „Круг Деммина, 30 апреля 1942 г.“

„Здесь в среду опять хоронили двух русских. Их здесь заставили на кладбище погребить уже пятеро, и двое уже умерли при смерти. Да и что им жилось, делало бы их всех перебить“.

Преступное правительство Германии организовало куплю-продажу превращенных в рабов советских граждан. За небольшую плату, не превышающую 10-15 марок за человека, каждый немец может приобрести себе раба. В Германии учреждены невольничьи рынки. Здесь, как во время рабовладельческого строя, по цене

рабов пробуют мускулы на руках и ногах у продаваемых в рабство советских граждан, обменивают изурнованных беспощадной эксплуатацией рабов на более крепких.

Унтер-офицеру Иосифу Виккерту, п. п. № 261873, его жена Мария Виккерт из Франкфурта пишет: „Я тебе еще не сообщила о получении посланных тобой 100 марок. Я тут же отдала их своей матери, чтобы она могла купить пленных. Теперь это не так дорого“.

Старшему ефрейтору Кнаппе, п. п. № 08999, пишет жена Рут Кнаппе из Груммы, у Ангальте: „Украинца у меня больше нет... он ничего не хотел слушать и был страшным лентяем. Теперь он у Герберта. Мы хотели посмотреть, не подойдет ли он в более крупном хозяйстве, но и там он то же самое. Я сообщила об этом по телефону в Бюро труда. Но когда придет новый транспорт, они мне скажут не могли. Герберт пока его держит, а потом обменяет его“.

В руках рабовладельцев советские граждане подвергаются нечеловеческим жестокостям и эксплуатации. Советские граждане на ночь запираются в холодные кладовые и сараи. Их кормят впроголодь и истязают непосильной работой. Над советскими людьми издеваются, всячески подавляют в них человеческое достоинство. 16-летняя девушка Валя Демущкина возвратилась на родину из Нюрнберга. Она рассказала: „Я работала у немки. Муж ее обер-лейтенант Карл Шток убит на Восточном фронте под Сталинградом. 1 января 1943 года к Frau Шток на новогостию обед должны были прийти гости. Поглощенная работой и своими несчастливыми думами, я не заметила, как закипело и начало литься на электрическую плитку молоко, поставленное кухаркой. По духу распространился запах утраты, жареная ба-

ринья ворвалась в кухню, вырвала из моих рук кастрюлю с остатком молока и плеснула мне в лицо. Я потеряла сознание. Очнувшись в больнице и ощутив невыносимую боль и мрак. Я ослепла. Три недели пролежала в больнице и потом долго пробиралась обратно на родину“.

Надя С., 16 лет, ученица 9 класса одной средней школы Ворошиловградской области, пишет: „Немцы насильно отправили почти всю нашу молодежь на каторжные работы в Германию. На вокзале во время отъезда стоял стон и плач. Плакали отъезжающие и провожающие. Меня и еще 16 девушек направили в город Швац. Здесь происходила самая настоящая торговля русскими людьми. Немцы и немки поворачивали нас во все стороны, мерили и ошупывали. Меня купил булочник Карл В. Он заставлял меня работать с шести часов утра до поздней ночи. Хотя я и жила у булочника, но хлеб кушала редко. Каждый день я мыла пол, стирала утром и вечером, нянчила детей, одевала их. Frau была не очень злая — толкнет, ущипнет или по голове ударит, но не очень больно. Только было обидно, как вспомнишь, что училась в 8 классе, изучала французский язык, историю, а тут сама стала рабыней, как в период римского владычества. От непосильного труда, голода и побоев я заболела. Оправившись немного, я бежала на родину. В Брест-Литовске меня задержали и посадили в концлагерь. В этом лагере, в полуразрушенных сараях томилась тысяча советских граждан. Ежедневно из лагеря выносили 10—15 трупов...“

Немецкие рабовладельцы часто откровенно хвалятся своими зверствами над советскими людьми. Подрядчик Лоренс Шнеер пишет своему зятю солдату Иозефу Шнееру: „У нас теперь работает украинская девушка 19 лет. Будет спокоем — она будет работать. В воскресенье в деревню прибудет еще 20 русских. Я возьму себе несколько штук...“ Ефрейтор 7 немецкой пехотной дивизии Вильгельм Гаусман получил письмо от матери из Швейхаузена: „У нас на молочной ферме тоже есть шесть русских. Их на ночь там запирают. Среди них юноши 14—15 лет. Не беспокоясь, они смогут работать“.

Лейтенанту 8 роты 187 полка 81 пехотной дивизии Бернгарду Шиллетт пишет Frau Сузи Крамер из Телпич Шенау (Судетская область) 12 июля 1942 года: „Нам должны прислать десять русских в пивоварню. Уж я заставлю поворачиваться эту банду. Охотнее всего я бы перебрала всех русских“.

Тысячи советских граждан, на-

сильно угнанных в немецкое рабство, гибнут от голода, холода, непосильного труда и истязаний. Немало советских граждан, доведенных до отчаяния нечеловеческим обращением рабовладельцев, покончило жизнь самоубийством. В немецких письмах имеется много доказательств того, что нередки советские люди предпочитают смерть рабству у немцев. Вот письмо, найденное у убитого под Ленинградом обер-ефрейтора 475 полка 121 пехотной дивизии Рудольфа Ламмермайера. Это письмо

мо написал его матерью из местечка Люнде:

„Вчера днем к нам прибежала Анна Лиза Ростерт. Она была сильно озлоблена. У них в свинарнике повесилась русская девушка. Наши работницы полки говорили, что Frau Ростерт все била, ругала русскую. Она прибыла сюда в апреле и все время ходила в слезах. Покончила с собой, вероятно, в минуту отчаяния. Мы успокаивали Frau Ростерт, можно ведь за недорогую цену приобрести новую русскую работницу“.

IV. Ответственность германских властей и германских граждан, виновных в бесчеловечной эксплуатации насильно увезенных советских граждан

На основании вышеизложенных и других имеющихся в его распоряжении документальных материалов, Советское Правительство считает неопровержимо установленным, что гитлеровское правительство Германии, попирая самые элементарные права народов и права человека, совершало и продолжает совершать следующие неслыханные преступления:

путем обмана, угроз и насилия угоняются в рабство в Германию многие сотни тысяч мирных советских граждан, включая детей, подростков и женщин; для угоняемых мирных граждан устанавливается режим бесправных невольников и непосильного труда;

советские граждане продаются в рабство предприятиям и частным лицам в Германии, подвергаются всяческим унижениям и истязаниям, обрекаются на голод и медленную мучительную смерть;

Советское Правительство возлагает прежде всего на правящую гитлеровскую клику и на командование немецко-фашистской армии всю полноту ответственности за эти подлые преступления, совершаемые в грубое нарушение общепринятых правил войны;

Советское Правительство считает также целиком ответственными за перечисленные преступления всех тех гитлеровских чиновников, которые ведут набор, увод, перевозку, содержание и бесчеловечной эксплуатации советских мирных граждан, насильно увезенных из родной страны в Германию.

Исходя из этого, Советское Правительство считает, что столь же суровую ответственность, как и главари гитлеровской Германии, должны понести также уже изобличенные преступники, как „главный уполномоченный по использованию рабочей силы“ гаулейтер Фриц Заукель и гитлеровские наместники на захваченных советских землях: рейхскомиссар Украины Эрих Кох, рейхскомиссар Остланд (территории Литовской, Латвийской, Эстонской и Белорусской советских республик) Гейнрих Лозе и его помощник — генеральный комиссар Белоруссии Вильгельм Кубе, а также главный вдохновитель немецко-фашистских

уведомлений в пресловутой Шумихе или гитлеровской мобилизации в ровны стараются преить тысяч своих рабов новые советские вавки, Югославия, Франция, Греция, Норвегия, Голландия, народы которых вместе с на одми Советского Союза видят свою общую задачу в скорейшем разгром гитлеровской Германии и в уничтожении гитлеровского государства, как своего смертельного врага.

Советское Правительство выражает уверенность, что все заинтересованные правительства солидарны в том, что гитлеровское правительство и его агенты должны понести полную ответственность и суровое наказание за свои чудовищные преступления, за лишения и муки миллионов мирных граждан, насильственно уведенных в немецко-фашистское рабство.

Примите и пр.

В. МОЛОТОВ.
Москва, 11 мая 1943 года.

От Советского Информбюро
(Из вечернего сообщения 20 мая)

В течение 20 мая на фронте существенных изменений не произошло.

Наши корабли и авиация в Черном море, в районе Азова — Керчи потопили 6 самоходных барж с войсками противника.

В районе Пскова немцы, пытаясь вернуть потерянную ими накануне высоту, предприняли контратаку. Наши подразделения отбили контратаку гитлеровцев и уничтожили в этом бою до 300 солдат и офицеров противника.

В районе Лисичанска наши части вели огневой бой с противником. Разведывательные группы немцев пытались переправиться на левый берег реки Северный Донец. Отмеч наших подразделений гитлеровцы были отброшены. Захвачены пленные. Советские артиллеристы уничтожили самоходную пушку, разрушили 2 ДЗОТа, 7 вражеских блиндажей, расстреляли и частично истребили до роты немецкой пехоты.

В районе Севска две роты пехоты противника пытались боем развить наши позиции. Советские подразделения отбросили немцев на исходный рубеж. На поле боя осталось 90 вражеских трупов, снайперы Н-ского соединения в течение дня истребили 70 немцев.

На Волховском фронте на отдельных участках наши части вели огневой бой с противником. Разрушено 13 немецких ДЗОТов и блиндажей, взорвано 2 железнодорожных вагона с боеприпасами, подожжены два артиллерийских и трех танковых батарей противника. Наши летчики в воздушном бою сбили 2 немецких самолета.

За отв. редактора Я. И. ДЗДЗКУЛ.